



18+

Спасибо, что вы были
Данила Трофимов

Данила Трофимов
Спасибо, что вы были

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Трофимов Д. А.

Спасибо, что вы были / Д. А. Трофимов — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Повесть рассказывает о последних школьных годах четырёх молодых людей из спального района Москвы. Хаос, сквозь который им приходится пройти перед выходом во «взрослую» жизнь, на каждом из них оставит свой отпечаток.

© Трофимов Д. А., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Спасибо, что вы были

Хлеб с майонезом

Дима зашёл в лифт и поднялся на девятый этаж.

Лестничная клетка со облупившейся краской на застарелых стенах – белый верх, зелёный низ. Напротив лифта – лестница, ведущая на чердак. *Мы там были однажды, там хорошо, ещё бы раз...* Справа и слева – решётки, чёрные, массивные, за каждой по две двери.

Всё, всё, всё. Спокойно. Чего я, как в первый раз?.. Звонок – круглый, белая кнопка с копытю: кто-то зажигалкой поджигал. Под звонком цифры: один, семь, восемь. *Наверно слишком быстро вот и нервно.* Он позвонил в дверь, а потом спустился в пролёт между этажами, открыл окно.

В подъезде зашумело городом. Дима снял гитару, болтавшуюся в чехле из синтетической ткани за плечом, и прислонил её к стене. Достал из джинсовой куртки сигареты. *Спокойно, спокойно...* За окном – спальный район, *таких в Москве – у-у-у!*

Напротив – девятиэтажка, серая, в трещинах и тоскливая, как две *грязных* капли, точно такая же, в какой сейчас, выглядывая из бело-серого окна, стоял и курил Дима. Чуть правее девятиэтажки – школа, сверху похожая на большую букву «Н», внутри и снаружи такая же серая, незаметная, как и эти две девятиэтажки. *Нравится, что когда она говорит, то может взять за руку, сесть на колени, но это плохо, очень плохо.*

На одном из балконов соседнего дома Дима увидел толстую женщину в белой ночнушке. Она сначала развешивала бельё, а потом ушла в комнату, и там кто-то ходил из стороны в сторону и резко размахивал руками. *Ссорятся наверно, и зачем люди ссорятся...*

Димин друг Яша жил в доме напротив. Родители Яши часто ругались, пока отец (бывший зэк) не допился до цирроза и не умер. На вопрос, зачем родители ссорятся, наверно, Яша бы ответил: «Чтобы их дети знали, как себя вести во взрослой жизни».

Сигарета кончалась, Дима с каждой затяжкой всё отчётливей чувствовал у пальца тепло огонька.

Как раздражают эти пальцы и ногти! Они аляпистые, пухлые и некрасивые. Медвежья лапа. Такими руками нельзя касаться её рук, тонких нежных с чёрным лаком, это ничего, что лак у неё иногда трескается, оттого они – руки – настоящие. Спокойствие.

От её рук всегда пахло чем-то сладким, и он, часто прислоняя после встреч с ней руку к носу, всё ещё чувствовал её запах. Она однажды сказала ему, что это за запах: запах сицилийского мандарина. Она сказала это тихо-тихо, как будто рассказала секрет всей жизни и при этом игриво улыбнулась, а он восторженно повторил: «*Сицилийский мандарин!*» Дима старался не курить левой, той рукой, которой больше всего пахнет ею. Хотя он был левша и курить привык левой. Её запах хотелось хранить до самой ночи, чтобы, засыпая, чувствовать, что она за несколько километров, в другом доме, в другой постели спит, а всё равно рядом. И не одиноко сразу, и хочется засыпать, и засыпается спокойно. *Сегодня она снова будет сидеть на коленках, я опять поведу её до дома, и мы будем ехать в лифте, и...* Спокойствие, тормози. Заходя в лифт, он услышит, как гремят ключи, которыми она с обратной стороны закрывает решётку на лестничной клетке, и в этот момент опустеет всё: опустеет подъезд, опустеет дом напротив, опустеет школа буквой «Н», опустеет весь мир...

Дверь хлопнула. Она вышла. Магическая, прекрасная. Как всегда. Диме очень хотелось разгадать её секрет, её магию, за которую любили её все, кто имел счастье поговорить с ней хотя бы несколько минут. *Когда с ней говоришь, создаётся впечатление, что говоришь с родным человеком, от которого исходит теплота, искренность, участливость, светлость, доброта.*

Сегодня у неё были распущены волосы. Они – чёрные и волнистые.

– Привет, Дим, – сказала она.

– Привет, Кать, – Дима выкинул сигарету в окно и закинул на плечо гитару.

Они вышли из подъезда, и он снова закурил. Гитару с собой взял, скорее, для неё, а не для себя, потому что сам одновременно петь и играть не умел. А она однажды как-то вдруг решила, что надо научиться петь под гитару, и научилась за две недели, плохонько, но научилась! И запела, по-настоящему запела. Дима очень любил слушать, как она поёт.

– Я купила вчера новую толстовку. Мне нравится, – сказала Катя.

– Как-то не очень своевременно. Тут в майке пока дойдёшь до магазина – уже весь мокрый.

– Ну, и не покажу тебе, значит, её.

– Нет, я очень хочу посмотреть.

– Хорошо, покажу потом. Она у меня дома. Сегодня у Ежа смена до пяти.

«Значит, – расстроился Дима, – долго не погуляем».

Катя на секунду взяла за руку Диму и сразу отпустила. Дима потянулся было за её рукой, но Катя убрала руки, бросив:

– Нельзя.

Дима кивнул.

Пока шли до метро, за ними увязалась дворняга. Сначала они не обращали на неё внимания, а потом Катя вдруг остановилась и спросила у Димы:

– Может, у тебя есть что-нибудь поесть?

– Бутербродов в чехле не завалилось, к сожалению.

Собака с оборванным ухом. Она приблизилась к Кате осторожно, и девушка погладила её по голове:

– Ты милашка! Извини, нет у нас ничего. Очень хорошая, ну-ну.

Ветер поднялся. Катины волосы распушились, и она спрятала от ветра лицо руками.

– А ты милый одуван! – рассмеялся Дима, едва касаясь Катиной руки. – Пошли. Или, хочешь, в магазин зайдём, купим ей чего-нибудь?

– Нет, надо идти, опоздаем. Ты извини нас, собака, нам пора.

На улице потемнело. Того и гляди дождь должен был пойти. Погода непредсказуемая какая-то. Вчера всё утро солнце, днём – ливануло, лило до вечера. Вечером облака почти разошлись. Остались только красивые: красные-красные, небо – маслом. *Хороший знак, может подольше побуду с ней. Спокойно.*

Вот бы уехать с ней. Чтобы по ночам не – электрички и грузовые поезда, ляжки об рельсы, и ци-ци-ци – в серванте хрусталь, чтоб не серный запах, который несёт с отстойников станции аэрации. Жить бы лучше в центре. Чтобы квартира на Тверской, чтобы из окна был виден Александр Сергеевич Пушкин, чтобы обязательно была мансарда (слово-то какое!), на которую с утра выходила бы Катя. А Дима к ней сзади подкрадывался и чувствовал любимый запах, да? Да! Такое было бы счастье, счастье...

Они зашли в метро. Дождались поезда. Катя села, Диме места не досталось, он стоял над ней. Катя сидела с закрытыми глазами, веки её были в блёстках и чёрные. Дима злился на толстого дядьку, который развалился рядом с Катей. Дядька постоянно вздрагивал, а Катя от каждого его вздрагивания хмурила лоб.

Однажды Катя сказала Диме, тихо-тихо, едва-едва, как секрет всей жизни: «Твоё плечо как будто создано для моей головы, нам надо почаще вместе ездить куда-нибудь, чтобы я могла на нём лежать!»

Когда они вышли из метро, на улице светило солнце. *Солнце!* Катя танцевала, радуясь солнцу, она танцевала вокруг Димы, но вдруг остановилась, схватила его за руки и, глядя в глаза, сказала:

– Дим, ты такой задумчивый! Люблю задумчивых, но иногда скучно может стать. Тебе скучно со мной?

– Нет, совсем не скучно. Мне с тобой всегда весело, даже когда мы молчим. Я вот на тебя смотрю, пока мы едем в метро, а ты сидишь и не знаешь.

– Да ты маньяк, Дим! – рассмеялась Катя. – Давай танцевать!

Она снова начала весело кружить вокруг него, лёгкая и беззаботная.

– А ты мне сегодня поиграешь? – спросила она, сделавшись серьёзной.

– Уж лучше ты мне.

– Ты обещал. Я помню.

– Ладно, поиграю.

Они шли в офис компании, в которую хотела устроиться Катя. Четыре часа в день работы и три с половиной тысячи рублей за выход – всё, что она знала о работе. Зашли в четырёхэтажный дом и нашли нужный кабинет. В кабинете сидели несколько женщин за большими столами, заваленными толстыми папками-файлами и бумагой.

Увидев Диму, одна из женщин попросила его подождать за дверью. Дима вышел и встал около двери кабинета, снял гитару, поставил её себе на ноги. Через пару минут вылетела Катя и радостно обняла Диму:

– Меня взяли! Взяли, взяли, взяли!

И она вновь кружилась, и волосы её пушились ещё больше. Дима обнял Катю. Они вышли из офиса, держась за руки.

– Завтра у меня первый день. Нужно ехать на другой конец Москвы, на Петраши.

– А что нужно делать?

– Просто улыбаться всем и раздавать буклеты.

– Да, работа вроде непыльная.

– И за четыре часа они дадут четыре тысячи! Даже больше, чем обещали! Я рада, и очень-очень.

– А я рад, что ты рада. Как раз будешь совмещать с институтом, когда поступишь. Теперь домой?

– Да, только я пока не знаю, будем ли мы сейчас гулять.

– Почему?

– Ты забыл про толстовку? – улыбаясь, спросила Катя.

В метро Кате и Диме удалось сесть вместе. Она положила голову на его плечо. *Как хорошо, жаль только, что мы не на кольцевой – тогда можно было бы так сидеть бесконечно.* После метро Катя сказала, что хочет всё-таки погулять, и они долго бродили по дворам, пока не сели на скамейку недалеко от детской площадки.

Катя поцеловала Диму, а потом попросила у него сигарету.

– Тебе же нельзя! – возмутился Дима.

– Я же не всегда курю.

Катя держала в руках сигарету и была похожа на поэтессу. Неземную, задумчивую и прекрасную в своём молчаливом курении. Затем они пошли на набережную и решили сесть на пристани, поближе к воде. Дима вытащил гитару и положил чехол на землю.

– Прошу, – он помог Кате сесть, а потом сел сам.

– Спой что-нибудь, Дим, – попросила Катя.

– Я не могу.

– Почему? – удивилась Катя.

– Я не умею, и вообще – стесняюсь тебя. Давай, может, лучше ты?

– Нет, я тебе и так часто пою. Теперь ты.

– Правда, я не могу.

– Это же совсем не сложно! Чего ты? Смешной... Давай, хочешь, я отвернусь. Или нет. Давай лучше ты отвернёшься, закроешь глаза и начнёшь играть.

– Это как-то глупо, Катя.

- Ничего это не глупо. Ты попробуй. Давай! Как ты будешь потом перед стадионами петь.
- Перед стадионами я рот не раскрою.
- Пой.
- Не могу.
- Тогда просто играй.
- Ладно. Я попробую.
- Не пробуй – делай.

И Дима заиграл. Играл песню, которую, он знал, хорошо знает Катя. И пела Катя. Её голос, раздуваемый ветром от воды. Дима открыл глаза и увидел солнце, которое масляно отражалось на воде. *Прекрасно, лучше не бывает.* Катя положила голову Диме на плечо. Она пела ему, а он играл ей. *Кажется, она улыбается. Слышу, улыбается. Ничего не важно. На другой стороне набережной ходят люди, они что-то делают: выгуливают собак, пускают воздушных змеев, пьют пиво, играют в волейбол. И не знают, насколько тебе повезло.* Песня кончилась. Дима отложил гитару и обнял Катю. Какой-то мужик с удочками, появившийся недалеко от ребят, пробасил одобрительно: «Хорошо поёте, клёв будет хороший». Катя засмеялась и спряталась за кудряшками. Она мяла пальцы Димы и пела, но вдруг остановилась и стала серьёзной, посмотрела на Диму:

– Мой отец, я его плохо помню, на этой набережной познакомился с мамой. Она гуляла с подругой, а навстречу он, и всё – любовь на всю жизнь. Вру, конечно, не было такого... (*её магический смех!*) Я мало что о нём знаю и почти совсем ничего не помню, а мама не рассказывает. Я помню только, мы с папой на озере рыбу ловили. Он учил меня снимать рыбу с крючка. Мне попала маленькая рыбка. Я вытащила её сама, отложила удочку, держала леску. Рыбка барахталась в воздухе, как будто всё ещё плыла. Папа сказал, что ей надо разорвать рот, она слишком глубоко заглотила крючок. Папа сделал это за секунду, я даже ничего сообразить не успела, и так безразлично сделал. Я расплакалась. Он меня обнимал, успокаивал и щекотал своей чёрной бородой. Когда я закрываю глаза и думаю о папе, я не вижу его лица, я вспоминаю, вижу только одну его чёрную бороду, помню, как плакала. Лица не вижу, хоть и очень стараюсь, а бороду – вижу. Папу убили из-за денег у дома, под аркой, он играл на курсах... Иногда я представляю, какой у папы мог бы быть голос. Я представляю его голос хриплым, прокуренным. Хочу, чтоб он сказал что-нибудь приятное, и мне стало хорошо. Прижал меня к себе и сказал: «Ты моя красавица».

Дима обнял Катю крепче. Солнце жёлтое и яркое, уже почти не грело, а небо – чистое, беззаботное – начало розоветь. Катя прошептала:

– Все люди хорошие. И ты хороший, конечно. Нет плохих людей. Люди хорошие, а поступки у них плохие. Нет в них зла, все добрые. Я это давно поняла, и хочется каждого обнять, напомнить: ты – хороший. У тебя такого не бывает? Ну чего ты улыбаешься, как дурачок! Вот хорошо, что мы не звери, а? Хорошо, что мы люди, и можем понимать, когда делаем плохие поступки. Но зверей я, кажется, ещё больше люблю. Хочется каждую собаку, помнишь, мы сегодня одну видели, к себе домой взять. Расчесывать ей шерсть, кормить... Ты знаешь, я иногда обнимаю деревья.

– Зачем это? – рассмеялся Дима.

– Вообще-то от них можно получить много положительной энергии.

Дима посмотрел на Катю внимательно чуть выше макушки. Он иногда любил так над ней подшучивать. Каждый раз, когда она замечала, что он смотрит выше её макушки, она хваталась за голову, пряча в кудряшках лоб, волнительно повторяла: «Что там, что там?» А Дима лишь улыбался в ответ. Тогда она хмурилась и ругалась на него: «Дурачок ты!»

Дима смеялся, Катя хмурилась, хмурилась и вдруг подскочила:

– Время – пять! Пошли!

Дима быстро убрал гитару в чехол и закинул её на плечо. Молодые люди заторопились в сторону Катиного дома.

- Что-то есть хочется, – пропела Катя на ходу.
- Мне тоже.
- Не могу даже торопиться, пока не поем. Давай зайдём в магазин?
- Давай.
- Хлеба купим. И майонеза.
- Хлеб с майонезом на улице? Я никогда ещё не ел на улице.
- А мы всегда так с Ежом делаем, когда денег нет.
- Ладно, пойдём.

Зашли в магазин, купили буханку хлеба и красный пакетик майонеза. Потом отправились на футбольное поле недалеко от Катиного дома. Катя разломала хлеб, открыла зубами майонез.

- На! – протянула Диме горбушку.
- Спасибо, – сказал он. – А почему мы не пошли посмотреть толстовку?
- Я тоже думала об этом. Но разве нам было плохо?
- Нет, прекрасно.

Просто прекрасно.

– На самом деле, я тоже в первый раз ем хлеб и майонез на улице, – прошептала Катя. – Просто позлить тебя хотелось!

И смеётся ещё. Ничего в этом смешного нет.

- Чего ты всё время смеешься?..
- Ну, не плакать же. Я больше радоваться люблю.

Они съели полбуханки хлеба, остальное Катя решила покрошить во дворе своего дома у беседки, там голуби собираются. Только начала кидать крошки на землю – налетели.

Затем Катя с Димой подошли к дому: первый подъезд, второй, третий... Шли к пятому. Дима взял Катю за руку:

- С тобой – приятно и уютно. И...
- Привет!

Голос откуда-то сзади. Руки убрали в карманы. *Меня сейчас он убьёт, он же ненормальный, реально просто на месте убьёт. Ладно, спокойно.* Оглянулись как ни в чём не бывало. На скамейке рядом с третьим подъездом сидел парень.

- Ёжик, – голос Кати дрожал, – а ты чего здесь?
- Время почти шесть. С работы приехал, – парень не поднимал головы, читал книгу. – Домой не хотел идти, книжку новую купил.

- Что читаешь?
- «Тошнота», тебе не понравится.
- А я с собеседования.
- Да, я её провожал, – виновато добавил Дима.
- Он меня провожал, – подтвердила Катя.
- Ясно. Я дочитаю главу, к тебе зайду.

Молча пошли. *Не могу так больше. Наверное, он не заметил, потому что если бы заметил, то сразу бы – в морду. Точно, не заметил, но как это можно было не заметить: мы шли... он окликнул – всё он видел!*

Прощаясь с Катей, Дима потянулся к ней, чтобы поцеловать в щёку на прощание...

- Давай не будем, – увернулась она. – Пока.

Катя вошла в подъезд. Тяжелая серая дверь захлопнулась, а домофон всё ещё продолжал пищать. Вот и весь мир замолчал, оставив Диму наедине с самим собой.

Надо пойти поговорить в ним.

Надо разобраться.

Надо поговорить.

Надо...

Зазвонил мобильный телефон. Дед звонит. Дима взял трубку. В трубке – что-то неразборчивое, голос деда *пьяный что ли не пойму странно алло дед чего такое говори ну не слышу не понимаю алё ты чего пьяный или чего?*

Дима бросил трубку. Через полминуты опять звонок.

– Дед, чего там у тебя случилось? Что там?

В ответ – хрип.

– Ты чего, дед?

Услышал, кажется: «Плохо мне». *Плохо как плохо что делать что я могу нужно бежать. Так. Спокойно. НЕТ КАКОЕ СПОКОЙНО ДАВАЙ БЫСТРЕЕ К ОСТАНОВКЕ БЕГОМ НУ ДАВАЙ АВТОБУС ПОДЪЕЗЖАЕТ ВОН ВИЖУ БЕГОМ* прошёл в салон, сел у окна, ближе к выходу. *Теперь уже только ждать, сейчас я ничего не могу. Где он? Наверное, дома. Хоть бы он был дома. Нужно позвонить матери, сказать. Мать не берёт трубку. Да давай ты автобус что ты так тащишься давай давай давай.*

Ну!

Дима звонил матери, потом деду, потом дядьке. Дядька сказал, что недалеко от дома как раз, сейчас тоже подъедет. *Улица так медленно ползёт, сука, давай автобус, я тебя ненавижу, ну!*

Перезвонил дядька:

– Дим, ты где?

– Еду я, еду домой.

Как только автобус остановился на нужной остановке, Дима вылетел из салона и помчался к дому. У подъезда стояла дедова машина с открытой дверью, рядом дядька, он что-то Диме говорил. Или не Диме...

Лицо деда оплыло, искорежилось. Он тяжело дышал. Левая его щека, как будто из застывшей резины, вообще вся левая сторона лица – как будто резиновая, ненастоящая. Дед смотрел на Диму, и левый глаз его был почти закрыт. Дед стонал, хрипел. Такой большой, такой сильный и беспомощный. Дима приближался к деду и сразу отшатывался. *Страшно. Очень страшно.* Дима не заметил, как рядом с дядькой появилась и мама. *Дима отойди закрой дверь дай проехать скорой помощи не стой на дороге как вкопанный Дима слышишь!* Диме навсегда запомнилось выражение лица деда, который впервые плакал при внуке, беспомощно водя в воздухе правой рукой, пытаясь что-то сказать, что-то сделать. Такой великий, сильный, и такой жалкий и беспомощный. *Господи как же страшно до чего СТРАШНО ДЕД! Так, замолчи. Спокойно. Дыши. Спокойствие.*

Кукла

В дверь позвонили. Катя пошла открывать. Через минуту она едва слышно вернулась в комнату и прошептала:

– Там – он!

– Кто – он? – не понял Ёж, лежавший в кровати.

– Ваня.

Ёж встал, надел майку и джинсы, пошёл открывать дверь.

– Сейчас я буду говорить. Понятно? – сказал Ёж, отстраняя Катю.

– Хорошо, Ёжик.

Ёж открыл дверь. Перед ним стоял парень: невысокий, крепко сложенный, с серьёзными глазами.

– Бабки приготовили? – не здороваясь, спросил парень.

– Ничего мы не готовили, – ответил твёрдо Ёж, – пошёл отсюда, чёрт гашеный.

Парень долго смотрел на Ежа. Медленно опускались и поднимались его веки. Где-то внизу в подъезде грохнула дверь, грохот разнёсся по всему подъезду.

– Ты кто вообще? – спросил Ежа парень.

– Чё?

– Кто ты по жизни?

Ёж промолчал, вышел из квартиры и закрыл за собой дверь.

– Ты должен бабки, – продолжал Ваня. – Вопрос этот решается только так: ты тупо их отдаёшь мне.

– У мамки своей бабки проси, школьник.

– У тебя будут проблемы.

Катя не выдержала, выбежала из квартиры и из-за спины Ежа выпалила:

– Вань, мы же с тобой с детства знакомы, ты что несёшь вообще!..

– Заткнись! – рявкнул на неё парень.

Ёж выпрямился и пошёл на парня.

Откуда-то слева, откуда-то сбоку. В голове Ежа сильно зазвенело. Красно, темно. Ёж не чувствовал ничего, он как будто смотрел кино. Один звон в ушах. Ёж видит, как чьи-то руки касаются его майки, куда-то его тянут, он пытается отцепить их, что-то трещит, его тянут вниз. Перед Ежом невысокий парень бормочет, как будто заклинание произносит. Еж сжимает кулаки и пытается ударить по нему, но не получается, тот отходит в сторону и бьёт в ответ, в нос. Глаза замыленные, Ёж вытирает глаза и в этот момент опять удар. Звенит в ушах ещё сильнее, Ёж бьёт, не глядя, просто куда-то в темноту и, кажется, попадает, бьёт ещё и ещё. Ежа как будто ударило током, он отскочил. Крик. Высокий и пронзительный. Кричит Катя. Кричит? Ёж оборачивается. Её держит чёрно-красное пятно, хватает за волосы, она пытается вырваться. На чёрно-красное пятно кидается Ёж, сталкивает в лестничный пролёт. Опять удар, откуда-то сзади. Закрылись глаза и не дышится. Ёж – тряпичная кукла, куклу бьют, ей не больно, она мягкая и неживая, кукла просто пытается встать, куклу валят, кукла тянется оборванной липкой рукой к девушке и падает, кукле видится что-то непонятное, тени, которые перетекают одна в другую, тени мерзкие, противные, глядя на них, не хочется дышать, они похожи на чертей, нависших над беспомощной куклой, и кукла опять пытается подняться, но ноги – из ваты, руки – внутри из тяжёлых прутьев. На секунду удаётся подняться, и вдруг весь мир куклы куда-то катится или катится сама кукла, топот, гогот, шум, железом пахнет, кукле уже не подняться, она смотрит, брошенная, наблюдает только за тенями чёрно-красными, и этот запах железа, отовсюду льётся железо красное, *дыши*, картинка становится тихой, тусклой, слабый свет гудит, режет глаз на издыхании, что-то ухаёт, скрипит, скрежещет прямо над ухом, лязгает. Зелёные стены падают на голову, мусоропровод ухаёт огромной рыбой. Гудит лампа, по ней гуляет электричество, сочится...

Всё произошло быстро. В подъезде всё затихло. Только тихо-тихо плакала Катя, сидя на коленках рядом с Ежом. У Кати потекла тушь, блёстки на её лице остались и теперь искрились так же пронзительно, как слёзы.

Ёж всё ещё не Ёж – кукла. В голове куклы показывают новый фильм, с плюшевой игрушкой, у которой оторвано ухо. На неё наступили, вмяли в пол, а ей ничего. Она лежит такая же, какая есть.

И когда наконец отпустило, Ёж потрогал левое ухо, и оно всё жгло и казалось неродным, как будто от другого тела: большое, очень горячее на ощупь, и как будто... болталось? Всё лицо – неродное, не его лицо... Во рту – то железно, то солёно. *Соль. Как хотелось бы стать морем. Ему ведь всё равно, бьют его, крутят, бросают в него что-то. Море, стать морем...*

Он теперь глухо слышал, как плакала Катя.

И опять что-то происходило и всё ещё не с ним, не сейчас, а когда-то... Синие огни, куклу куда-то повезли, положили, её болтало, от внезапных вспышек она открывала глаза, и глаза

постоянно сами собой сразу же закрывались. Опять куклу толкают, куда-то кладут, дребезжание сменяет звон, ухо не жжёт, горит, голова раскалывается... лампы, темно, лампы, темно, лампы... гроыхает что-то, хочется спать. *Руку правую спать хочется невыносимо холодно света вокруг совсем не хватает.* Заснул.

Катя вместе с перепуганной матерью Ежа вернулись из больницы домой на такси. Когда Катя поднялась к себе на этаж и увидела лестничную клетку, на которой повсюду были кровавые кляксы, девочка разрыдалась снова. У порога Катю встретила мать. Мама отвела её к кровати.

С растоптанными, спутавшимися волосами, Катя замертво упала на кровать. Она уже не плакала, она лежала лицом в подушку и смотрела в темноту. Мама шептала, что всё будет хорошо, и гладила Катю по голове.

За окном гулял ветер.

Холодная весна. Воздух весной до дьявола чист.

Больница

Сегодня выписывали деда.

Он лежал в инфекционной больнице недалеко от дома, куда пристроила его дочь, мама Димы. Мама попросила Диму довести деда до дома.

Вдруг станет ему плохо и не дай Бог он упадёт, надо поддержать, подстраховать.

Дима подошёл к проходной больницы, седой охранник с испитым лицом буркнул:

– Куда?

– От Хлебниковой.

– Шагай. Как пройти, знаешь?

– Да.

Дима толкнул со скрипом турникет и вошёл на территорию больницы.

Мимо корпуса номер один, стоявшего слева потрёпанной картонной коробкой. *Там лежат вирусные гепатиты*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.